

ИДЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. Н. Первушина

Российский государственный университет правосудия

Поступила в редакцию 12 февраля 2015 г.

Аннотация: в статье анализируется концепт «идеология» с позиции неомарксизма, признается значимость идеологии для функционирования и развития общества, рассматривается роль идеологии в современной России.

Ключевые слова: идеология, ценностно-нормативные стандарты, деидеологизация, национальная идея.

Abstract: the concept «ideology» is analyzed in the article from the neomarxian point of view, the importance of ideology for functioning and development of society is recognized, the role of ideology in modern Russia is regarded.

Key words: ideology, value-normative standards, deideologization, national idea.

Казалось, о какой идеологии может идти речь в современной России, если ст. 13 (п. 1 и 2) Конституции РФ предусматривает идеологическое многообразие; констатируется, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Между тем в научной и публицистической литературе ведутся дискуссии о необходимости государственной идеологии и отмене ст. 13 Конституции.

Цель статьи заключается в анализе значимости идеологии в жизни общества и «иллюзиях деидеологизации» (А. В. Рубцов). Для этого необходимо обозначить рамки понимания концепта «идеология» и, соответственно, истинности тезиса о деидеологизации общества.

В отечественной и зарубежной литературе [1] трактовка идеологии¹, ее роль в жизни общества анализируются обычно в терминах марксизма или неомарксизма.

Обычно в социально-политической литературе идеология с позиции марксизма трактуется как совокупность идей, взглядов, убеждений, система социальных, политических и экономических концепций. Затем следуют различные интерпретации целеполагания данных идей (осуществление их в интересах отдельных личностей, классов, социальных групп), комплементарность их содержания реальности (намеренное или ненамеренное искажение существующей действительности, констатация определенной иллюзорности сознания). Характер самих идей определя-

¹ В современной западной литературе в понимании идеологии присутствует очень сильный функциональный аргумент. Идеология трактуется как «относительно универсальное мыслительное действие, передаваемое через отчетливые (внятные) предположительные структуры специфического социального порядка, воспроизводящегося рутинным образом на уровне обыденного опыта» [2. р. 4].

ется той областью социальных практик, в рамках которых они формируются и реализуются (политические, экономические, морально-нравственные, эстетические, правовые и т.д.). Таким образом, с марксистской точки зрения идеология рассматривается как «ложное сознание», является видом теоретического сознания, одной из форм политического оружия классовой борьбы. Воплощением идеологии выступает государство, выдающее собственный интерес за всеобщий [3, с. 24–47].

Следует отметить, что анализ идеологии через призму «ложного сознания» не дает возможность осмыслить идеологию как систему координат, позволяющую осмыслить «переживание» основной массы людей по поводу материальных условий своего существования; понять, почему индивиды подчиняются порядку классового господства и принимают его добровольно. А. Грамши и Л. Альтюссер, творчески развивая идеи Маркса, иначе рассматривают идеологию, актуализируя «идеологическое согласие», как необходимый фактор социального порядка, стабильности общества.

В работах Грамши классовое господство осуществляется не через прямое принуждение, а связано с согласием подчиненных социальных групп. Идеология становится средством формирования субъективности, «в той мере, в какой идеологии исторически необходимы, они имеют «психологическую» действенность, «организуют» людские массы, служат той почвой, на которой люди движутся, осознают свои собственные позиции, борются и т.д.» [4, с. 73].

Идеология в рамках теории Грамши зиждется на пересечении экономических, политических, культурных, коммуникативных социальных процессах, захватывая в орбиту своего действия все уровни и формы общественного сознания (повседневная жизнь неререфлексивна, поэтому восприятие нормативов общественного сознания часто происходит на уровне подсознания). Исходя из этого, просматривается и основная функция идеологии – конституирование субъективности, идентификация с целью подчинения социальному целому. В этом контексте идеология исполняет роль стабилизирующего блока: сохранение традиций, исторической памяти, мира ценностей и символов.

Гегемония господствующего класса, пользуясь терминологией Грамши, достигается и поддерживается через интернализацию взглядов, идей, норм и ценностей господствующего класса всему обществу через широко развитую сеть институтов гражданского общества, социальные институты «идеологической обработки», а также широкий спектр средств массовой культуры и массовой коммуникации. Идеология, закрепляющая господство определенных социальных групп, раскрывается и действует через всевозможные формы сознания, начиная от целостных систем научных и мировоззренческих взглядов до социальных стереотипов, закрепленных на уровне социальной психологии, обыденного сознания и опыта повседневной деятельности людей на сознательном и бессознательном уровнях.

Близкую к Грамши точку зрения занимает Л. Альтюссер. Согласно французскому мыслителю, *Bewusstsein* исторического *Sein* отражает ма-

териальные условия существования не в перевернутом виде. Напротив, идеология есть форма сознания и бессознательного, отсюда ее узнаваемость и неузнаваемость, в рамках которых индивиды переживают свое отношение к условиям своего существования.

Поэтому конца идеологии нет, как об этом заявляли Г. Дебор и Д. Белл [5; 6], ибо она интегрирует культурные ценностно-нормативные стандарты, социальное символическое поле, формирует субъективности. «Идеология – это система (которая имеет собственную логику и строгость) представлений (которое может выступать в форме образов, мифов, идей или понятий), обладающая определенным историческим бытием и определенной исторической ролью в пределах того или иного конкретного общества» [7, с. 327]. Без ее ценностно-нормативных составляющих человеческое сообщество не способно существовать. Данное представление об идеологии выходит за рамки сознания, так как идеология, формируя форму субъективности, конституирует носителя общественных отношений, социальных практик, выполняющего определенные социальные роли. Л. Альтюссер подчеркивает значение бессознательного в усвоении ценностно-нормативных стандартов, которые «суть воспринимаемые – признаваемые – переживаемые объекты культуры» [там же, с. 328], воздействующие на людей функционально, посредством процесса, являющегося скрытым для самих людей. Люди «переживают» свою идеологию, интернализируют ценностно-нормативные социальные механизмы, воспринимают их как свои собственные, «свободно» и «сознательно» следуют стандартам поведения, не осознавая это как внешнее принуждение к действию. Идеология в таком понимании задает ценностно-смысловые координаты действия.

Безусловно, идеология, по Альтюссеру, имеет институционально-принудительный характер, связана с «репрессивным государственным аппаратом». Понятие «государство» Альтюссер заимствует у Грамши и понимает как «гегемонию, защищенную броней принуждения», включающую непосредственно государственные аппараты и его атрибуты – армию, полицию, судебные органы и «идеологические государственные аппараты» – церковь, образование, семью, систему массовых коммуникаций (пресса, радио, ТВ) и т.п. По существу в неомарксизме привычный для восприятия в советской марксистской литературе термин «*общественное сознание*» заменяется идеологией.

Таким образом, в рамках неомарксизма идеологическая гегемония «сверху» поддерживается растворенной в субъективности человеческой индивидуальности идеологической гегемонией «снизу», что и образует идеологическую матрицу социальности, охватывающей все аспекты человеческого бытия.

Идеология как мировоззренческая ось социокультурной системы артикулирует ценностно-нормативный аспект культуры, затрагивающий все ее сферы – экономику, политику, социальную и духовную сферы, – поэтому в контексте неомарксизма, идеология имплицитно включает и общественную психологию, имеет два уровня: ценностно-нормативный и

операциональный [2, р. 92–95]. Если употреблять привычные термины, то операциональный слой идеологии – это общественная психология.

Правильнее, на наш взгляд, определять идеологию как культурный дискурс. Так, Л. Г. Ионин весьма убедительно обосновывает манифестацию идеологии как культурного дискурса на примере советской идеологии. Она, как определенная культурная модель, предлагала свою интерпретационную схему, на основе которой объяснялись и нормативно регулировались все сферы и уровни общественной жизни. Эта культурная модель определяла образ мира, выступающий ориентиром в повседневной жизни. Идеология является репрезентацией культуры, а именно ее ценностно-нормативного компонента, действенного по своему воздействию на деятельность людей из-за своего фактического признания обществом. Поэтому социальный мир делался упорядоченным, систематизированным, понятным, узнаваемым и привычным [8, с. 270–272]. Советская идеология располагала своим концептуальным аппаратом, переводящим теоретические идеи на уровень языка повседневных отношений. Разрушение советской идеологии привело к гибели культурной матрицы, приведшей к массовой дезориентации, утрате групповой и индивидуальной идентичности, гибели привычного мира, узнаваемого и понятного. Общество в целом лишается идентичности, возникает потребность в поиске новых культурных образцов.

Ценностно-нормативный уровень идеологии существует обычно в виде идеальных универсальных конструкций и дедуцируется из авторитарных текстов и рукописей (Библия, Коран, Талмуд, Веды и др.), а также публикаций мистиков, философов, пророков, ученых, имеющих огромное значение для общества, или документов с мощным легальным, моральным, священным статусом. К ним относятся Билль о правах, Декларация независимости, Женевская Конвенция, конституции суверенных государств, политические и партийные манифесты. Это – идеальные представления. Так, лозунгом Французской революции были свобода, равенство, братство, выстраивающиеся вокруг принципов, очерчивающих фундаментальные цели и ценности и фиксирующие средства для реализации этих целей [2, р. 96–98].

Ценностно-нормативный срез идеологии включает сильное ядро утопического мышления, детально проанализированного К. Мангеймом, поэтому может иметь и иррациональные конструкты, мифы, например. Кроме того, ценностно-нормативный пласт идеологии выстраивает ключевые понятия и представления о структуре и организации прошлого, настоящего и будущего того или иного общества, репрезентирует культурную матрицу в ее универсальной интерпретационной и нормативной схеме. Именно этот слой содержит идеи возможного отношения между индивидом и обществом, которые внятно выражены, а направления настоящего и будущего действий четко очерчены. Этот слой идеологии универсален из-за морального компонента и рациональности в достаточной степени в ней присутствующих. Идеология становится рационально-теоретизированной в XIX–XXI вв., до этого исторического времени роль

идеологии выполняли мифология и религия, служившие нравственно-духовным ориентиром для традиционного типа общества.

В отличие от мировоззрения идеология может содержать критический анализ других мировоззренческих установок, ценностей, типов рациональности, существует в объективированной форме, приобретающей вид «удвоенной среды» (Н. Валлон).

Операциональный слой идеологии имеет дело с повседневной жизнью, ее сложностями, случайностями, переменами. Понятия, идеи, ценности и практика, присутствующие в рутинной жизни, не выступают в качестве высшей и конечной цели. Эта сфера идеологии – область экзистенциального, бытийного характера и постоянного ценностного динамизма, где различные образы мира и различные диагнозы реальности соревнуются за «душу» каждого и всех. Данный уровень идеологии захватывает как институциональные (семья, экономика, образование, государство), так и сверхинституциональные пространства личной и социальной жизни. Именно здесь идеи и ценности, очевидные в социокультурной практике и ритуалах, функционируют в рутинных обстоятельствах повседневной жизни. Здесь создается повседневный образ мира, формируется жизненное пространство. Доминирующие верования и ценности на уровне общественной психологии могут состоять из различных понятий и идей, оправдывающих линию поведения.

Операциональный уровень идеологии включает в себя психический склад, под которым подразумеваются устойчивое образование типа социального или национального характера, а также нравы, традиции, обычаи, вкусы. К другому структурному компоненту этого уровня идеологии относится эмоциональная сфера, «настроения умов и чувств» (Г. В. Плеханов), а также потребности и интересы. Операциональный уровень идеологии функционирует в рамках повседневного мира, в котором реализуется практическая деятельность большинства людей. Идеологические идеи, верования, ценности воздействуют на поведение людей, активно или пассивно ими воспринимаются. Естественно, что идеи должны быть переданы на упрощенном языке и в популярных образах. Ключевые принципы и идеи на этом уровне идеологии обычно персонализируются в образах конкретных индивидов, принимаемых и узнаваемых массовой публикой. Этот слой идеологии адресован индивидам и группам, носителям специфических интересов и эмоций, использующим узкий партикуляристский дискурс, функционирующий на уровне групповых стереотипов этнического или профессионального типа. Устойчивость операционального слоя идеологии проявляется через массовое сознание.

Два уровня идеологии тесно взаимосвязаны. Идеология не может стать универсальной, если не «овладеет массами», а ее ценностно-нормативное ядро не будет воспринято, если оно не пережито на уровне группового и индивидуального поведения, не станет привычкой и не трансформируется в обычаи и традиции, не будет проявляться в массовых типичных ситуациях рутинной жизни, не приобретет характера стереотипа.

Если основные идеологические идеи не «переживаются» массами, то возникает их отторжение от массовой психологии, поведенческих установок. Эти идеи воспринимаются как идеологические клише, «фразеология, набор фраз, стереотипов», «масса расхожих слов и представлений, докса» (Р. Барт). Идеология в этом контексте предстает как «форма ложного сознания», вполне в духе Маркса, навязанная господствующим классом, элитой остальным членам общества. В этом случае идеология превращается в «реликтовый миф» (А. М. Пятигорский), в котором нет угрозы в связи с потерей энергии. Такая идеология трансформируется в риторичку, а затем в демагогию.

Там, где идеология навязывается сверху, не проникая в массовую психологию, переход от реальности к идеологии оказывается переходом от «антифизиса» к «псевдофизису». Негарантированные, например, свободы и права граждан в повседневной жизни ощущаются весьма чувствительно. Далекое не все в нашем обществе знают или читали Конституцию РФ о свободе и правах человека, но на практическом уровне свободу «переживают» все: свобода перемещения, социального лифта; возможность оформления права на жительство, есть ли реальная экономическая свобода, и т.д. Оказывается, если провозглашаемые свободы и права негарантированы, то и отношение к ним складывается как к очередной словесной шелухе, доксе, используя терминологию Р. Барта, демагогии. Единой цементирующей ценностно-нормативной системы нет, идеологии как целостности в единстве идеально-идеационального, теоретически-рационального и операционального компонентов не существует, и власти озабочены поисками «национальной идеи», способной сплотить и объединить общество в единое целое.

Идеология, понимаемая как культурный дискурс, не может быть изъята из общественной жизни, а сам тезис о деидеологизации является утопичным. Как верно заметил А. В. Рубцов, отказ от государственной идеологии является тоже идеологией, но «идеологией деидеологизации» [9, с. 23]. Получается вполне в духе К. Маркса. Идеология есть форма ложного сознания, которое необходимо отменить.

Устранение государства из экономики, важнейших социальных институтов – школы, армии, духовной сферы – привело к тому, что культурные ниши (ТВ, радиовещание) стали заполняться низкопробными образцами массовой культуры: бесконечными мыльными операми, детективами, криминалами, уголовными хрониками. Один канал «Культура» не в состоянии удовлетворить культурные потребности. Исчез из политического дискурса термин «пропаганда». Вместо связки «идеология – пропаганда» на первый план выдвигается индивидуальная идеология успеха и бесконечная реклама. Не срабатывает даже утилитарная составляющая, которая должна была бы в условиях рыночной экономики соединить личные и общественные интересы. Хотя в латентной форме идеология «просачивалась» в массмедиа, нужны же какие-то идеологические обоснования проводимым реформам, модернизации и т.п. Складывалось впечатление, что эти обоснования в форме микс были заимство-

ваны Россией из идейного арсенала XVIII–XIX вв., особенно в 90-е годы XX в. (идеи либерализма, понятого в духе XVII в., социал-дарвинизма, свободного рынка, антикоммунизма, славянофильства – самодержавие, православие, народность). Государственной идеологии как будто бы не было и нет, а идейная жизнь бурлит. Принимая во внимание особенности русской культуры – нигилизм, анархистские тенденции, особым образом понимаемую свободу, – можно было прогнозировать перенесение идеологической борьбы извне (между государствами) во внутреннюю жизнь страны. Достаточно и сейчас посмотреть на ток-шоу типа «Право голоса», чтобы понять отсутствие идеологической коммуникации: вместо дискуссии и аргументированности позиции сплошные обвинения, навешивание ярлыков, неумение и нежелание слышать голос другого. Эта передача и ей подобные воспринимаются как сборище орущей толпы, а не дискутирующие интеллектуалы. Группы, расколотые по разным идеологическим основаниям, в условиях конфликтной ситуации способны только к противостоянию (пример современной Украины это убедительно доказывает).

Только перед лицом внешней угрозы мы начинаем вспоминать о том, что необходимы патриотизм, уважение к своей истории, сохранение традиций, культурного и научного потенциала, развитие национальной промышленности и т.п., т.е. нужна идеология как система ценностных установок, социальной стратегии, культурный дискурс. С коммунистической идеологией, ориентированной на построение «идеального» общества, было покончено, но стремление к социальной справедливости остается одним из значимых нравственных идеалов, и исключать его из идеологического конструкта было бы неосмотрительным. Невозможно преодоление экономических кризисов без морально-правового ценностного основания идеологии и его адекватных институциональных поддержках. Следует отметить, что основные базовые ценностные установки заложены в Конституции РФ: *мультикультурализм* (в РФ проживает более 180 национальностей), поэтому многонациональный народ России объединяет «общая судьбы на своей земле», «гражданский мир и согласие», стремление сохранить «исторически сложившееся единство»; патриотизм «любовь и уважение к Отечеству», «вера в добро и справедливость»; признание РФ социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7) (*социальная справедливость*). Утверждается равенство всех перед законом (ст. 19). Основной ценностью объявляется человек, его права и свободы (ст. 2).

В этой ценностно-нормативной базе четко прослеживается государственная идеология, которой не надо бояться, напротив, ее базовыми принципами должны руководствоваться основные институты общества. В своих главных установках государственная идеология не исключает идеологического плюрализма, поэтому стыдливое признание об отсутствии государственной идеологии является данью конъюнктурным со-

ображениям в 1990-е гг. Государственная идеология в России есть, это – Конституция. Соблюдение законов, принятых Конституцией РФ, и есть признание государственной идеологии.

Литература

1. New Key Words. A Revised Vocabulary of Culture and Society / ed. By Tony Bennes, Lawrence Grossberg Meaghan Morris. Blackwell Publishing, 2006. – P. 175–178.
2. Sisisa Malešević. Identity as Ideology Understanding Ethnicity & Nationalism. National University of Ireland. Palgrave, 2006.
3. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955. – Т. 3.
4. Грамши А. Тюремные тетради : в 3 ч. [пер. с ит.] / А. Грамши. – М. : Политздат, 1991. – Ч. 1.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 1999. – 956 с.
6. Ги Дебор. Общество спектакля / Ги Дебор. – М. : Логос, 2000. – 248 с.
7. Альтюссер Л. За Маркса / Л. Альтюссер ; пер. с франц. П. В. Денежкина. – М. : Праксис, 2006. – (Серия «Новая наука политики»).
8. Ионин Л. Г. Социология культуры / Л. Ионин. – М. : Издат. дом ГУВШЭ, 2004.
9. Идеология и процессы социальной модернизации : сб. статей / под общ. ред. Т. Б. Любимовой. – М. : Academia, 2013.

Российский государственный университет правосудия

Первушина В. Н., доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail VeraValen47@yandex.ru

Тел.: 2-49-00-56; 8-960-109-94-02

Russian State University of Justice

Pervushina V. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Humanities and Social-economic Studies Department

E-mail VeraValen47@yandex.ru

Tel.: 2-49-00-56; 8-960-109-94-02